

## Путь художника

Путь художника для петербургского графика Андрея Игоревича Бодрова не был прямым и последовательным – он идет по нему долго, иногда задерживаясь на распутье, выбирая то или иное направление, иногда петляя и возвращаясь обратно, не удовлетворяясь выбором и желая исследовать то, что осталось в стороне... Наверное, как раз эта кажущаяся бессистемность погружения в искусство, в то же время имеющая свою логику, определяемую как внешними факторами, так и личностным развитием, собственным жизненным и художественным опытом, интуицией, наконец, позволяет Бодрову наиболее полно выразить свою индивидуальность, свое видение мироздания, свое представление о прекрасном, а именно это, пожалуй, является одной из наиболее важных задач искусства в современном мире.

И то, что Бодров, в строгом смысле слова, не является профессиональным художником (создание произведений искусства для него не способ зарабатывания денег, а лишь увлечение, но похоже занимающее всё свободное время), снимает с него многие ограничения, в которых вынужден существовать профессионал (в советское время они были одни – идеология, в наше время другие – рынок). Бодров свободен в выборе сюжета, стиля, философии своего искусства. И именно это подкупает как широкого зрителя, так и профессиональную среду: в 2000 году Андрей Бодров вошел в состав Союза художников России, он принял участие более чем в 60 выставках всероссийского и международного масштаба, его персональные выставки прошли во многих престижных выставочных залах (достаточно упомянуть Итальянский зал Российской академии художеств в Петербурге), о его творчестве пишут такие авторитетные искусствоведы и художники, как Н.С. Кутейникова (заслуженный деятель искусств РФ, доктор искусствоведения, профессор), Е.А. Боровская (кандидат искусствоведения, профессор), И.Г. Мямлин (заслуженный деятель искусств РФ, профессор) и др.

Андрей Бодров не получил систематического художественного образования, но с детских лет учился в студиях у ведущих ленинградских (петербургских) графиков и живописцев: Анатолия Захаровича Давыдова (1923 – 2009), Леонида Григорьевича Башкова (1931 – 2011), Соломона Борисовича Эпштейна (1925 г.р.) и др. Это художники с разными творческими установками, дававшие своему ученику как твердые профессиональные навыки, так и импульс к самостоятельному творческому развитию, не ограничивая его какими-то стилистическими или идеологическими рамками. В творчестве Бодрова хорошо заметно преломление разнообразных художественных традиций: европейский натуралистический пейзаж, китайская пейзажная живопись с ее особым пониманием пространства и выразительными средствами, модернистские кубистические поиски структурных основ и, конечно, собственно петербургская графическая школа с ее изысканной линейностью и некоторой эмоциональной холодностью.

Практически не выходя за пределы немногих любимых жанров: пейзажа, женского портрета, ню, – отдавая дань увлечению разными стилями, Андрей Бодров остается верен реализму. Реализму не натуралистическому, точно воспроизводящему формы объекта (бессмысленность этой задачи для современного искусства давно осознана истинными художниками), а реализму субъективному, отражающему окружающий мир через призму собственной индивидуальности.

Очевидно, что объективные свойства личности: склонность к абстрактному мышлению, умение анализировать, сопоставлять частности, выделять главное (неслучайно профессиональная деятельность Бодрова связана с инженерией), – определили то, что он увлекся графикой, особенно печатной графикой (гравюрой), требующей специальных технических навыков, особенного интеллектуального подхода, высокой степени абстрагирования от натурального впечатления, умения упрощать и обобщать. В своих пейзажах: городских и сельских, речных и лесных, морских и горных, – он всегда стремится выявить

их конструктивную основу, выразить ее в четкой графической структуре, в соотношениях черно-белых масс.

Следуя наставлениям, как своих непосредственных учителей, так и великих русских художников-пейзажистов (например, И.И. Шишкина, придававшего большое значение летним этюдам), Бодров много работает с натуры. Выезжая на дачу в Сиверскую, в любимые места под Петербургом, во время своих путешествий по стране и за рубежом он выполняет десятки карандашных этюдов, набросков, зарисовок. Затем уже в своей мастерской создает на их основе станковые листы, в которых этот натуральный опыт переплавляется в создание обобщенных художественных образов.

Легко оперируя разнообразными графическими материалами и инструментами: карандашом, углём, тушью, кистью, фломастером, – Бодров предпочитает такую технику печатной графики, как «сухая игла». В силу своих технических особенностей она не требует специально оборудованной мастерской (как другие виды гравюры на металле) и позволяет, с одной стороны, оставаться ближе к свободному рисованию, с другой, дает эффекты, недостижимые ни в одной другой графической технике. Для сухой иглы печатной формой служит металлическая доска, на которой автор процарапывает изображение офортной иглой, оставляющей по краям бороздки барбы – металлические заусенцы. При печати они придают линии совершенно своеобразную бархатистую фактуру. Эти же особенности обуславливают и малотиражность этой техники: под давлением печатного станка барбы быстро приминаются и стираются, а сама процарапанная линия так неглубока, что можно получить не более 10-12 качественных отпечатков.

Умение Бодрова отказаться от частных и приблизиться к некоей универсальной формуле передачи природы особенно убедительно раскрылось в серии его парижских пейзажей. В беглых зарисовках нет точности деталей, но есть точность характера города, его особое пространство, настроение, динамика, неброская архитектурная изысканность, воплощенные в уходящих вдаль перспективах улиц и бульваров, в орнаменте голых ветвей и стволов, в выразительных абрисах фигур спешащих парижан, переданных художником стремительными росчерками карандаша или выразительными линиями сухой иглы.

Любопытно, что умение обобщать у Бодрова существует параллельно с почти натуралистическим видением, которое проявляется в своеобразном жанре – своего рода «портрете» дерева (куста). Художник тщательно воспроизводит остов дерева – ствол и ветви, – бережно «одевает» его листвою, вырисовывая каждый листочек или цветок. Для этого художник использует живописный материал пастель, но использует ее как графический инструмент: проводит линии и штрихи, но не сплавляет их в единую живописную поверхность. Возможно именно это, позволяет ему не перейти грань банальности, не пойти на поводу у невзыскательного вкуса, настойчиво требующего узнаваемости. В то же время это скрупулезное изучение природных форм, неустанное штудирование природы является для художника безусловной школой мастерства, ступенью в восприятии Природы как единого целого.

Такие жанры, как портрет и ню, для Бодрова по сути являются продолжением тех же поисков универсальной формулы прекрасного. Он не стремится передавать в них индивидуальные черты разных моделей, скорее во всех своих моделях он ищет общее, единое. Для него и женское лицо, и обнаженное женское тело – венец творения, воплощение не только формы, но и духа, для которых он стремится найти лаконичную знаковую форму, призванную наиболее точно воплотить в себе этот идеал прекрасного.

В самых последних произведениях Бодрова проявляются черты, связанные с новым для него ощущением мира и места человека в нем: оказывается, природа не всегда дружелюбна человеку, да и сам человек далек от идеала, и гармония мира не является константой... Экспрессионистическая деформация, еще сдерживаемая, но ясно ощущаемая, повышенная эмоциональность, трагические ноты, свойственные таким работам, как «Городской пейзаж. Пермь» (2014), «Ночной пейзаж» (2015), «В кафе» (2015) (примечательно

само появление нового для художника жанра, столь характерного для экспрессионизма), свидетельствуют о новом этапе творчества, о новых задачах, которые он пытается решать.

Андрей Бодров принадлежит к тем, художникам, которые не следуют однажды найденным штампам, а находятся в постоянном поиске новых художественных форм. Не теряя чувства восхищения Природой, черпая в ней эмоциональные силы, он ищет графические эквиваленты всему увиденному. В лучших работах Андрея Бодрова есть то, что является важной функцией современного искусства – оно расширяет диапазон нашего видения, заставляя воспринимать окружающий мир с интеллектуальным усилием, в обыденном и привычном видеть общее и особенное, искать закономерности и случайности, через частное выявлять сущностное, находить отклик нашим чувствам, этическим и эстетическим рефлексиям.

Ольга Улемнова,  
кандидат искусствоведения